МАСТЕРА ИСКУССТВ

ОЧАРОВАННОСТЬ ЖИЗНЬЮ

Ростислав Янович Плятт... Человек этот вызывает у многочисленных зрителей сердечный отклик, истинное признание и уважение. Популярность Плятта — не шумная, не броская, а дружеская, надежная, возникшая, так сказать, на равных правах со зрителями, при полной взаимности.

Плятт блестяще одарен не только в своем актерском искусстве, но и в жизни. «Актер, — сказал он однажды, — это человек, которому интересно все». В этом неожиданном по своей простоте определении ощутимы и облик, и опыт самого Плятта. Да, это у него, Плятта, неиссякаемый интерес к многоликим проявлениям жизни, к людям, неутоленная жажда впечатлений, общения со старыми и новыми друзьями. И доброта. И такт. И органичное (драгоценное) чувство юмора.

Однако какая связь между личными качествами актера и созданными им образами? Ведь Плятт, испытанный мастер перевоплощения, почти всегда стремится уйти «от себя», чтобы дать простор человеку, которого он играет, помочь ему обрести неповторимость характера и стать (насколько это возможно) независимым от внешних и внутренних индивидуальных особенностей актера. И все же... Даже тогда, когда у Плятта нет и не может быть и намека на какую-то близость к персонажу, зрительный зал подспудно, опосредственно воспринимает присутствующий артисту талант человечности, его своеобразную очарованность жизнью. В таких случаях Плятт через голову действующего лица как бы протягивает руку другу-зрителю.

Семнадцатилетним юношей Плятт переступил порог студии Юрия Александровича Завадского, был обласкан, подбодрен доверием (и счастливая судьба на многие годы скрепила творческий союз учителя и ученика). Увлеченный магией театра, с упоением и азартом молодости он пробует свои силы в гротеске, острой комедийности. Это были годы поучительных уроков, обретения мастерства и расставания с иллюзиями. А позднее, когда Плятт неожиданно и в то же время вполне закономерно предстал перед зрителем в ином плане, как художник, нашедший свободу и точность действий в сфере, именуемой «драматизм», он, однако, не забыл о близких его сердцу шутке, юморе, сатирических криках. «Мне свойственно, — говорит он, — желание тревожить и смешить зрителя, будоражить его равно слезами или смехом».

...С особой теплотой Плятт вспоминает исполненную им роль хирурга Аркадия Бурмина в спектакле «Парень из нашего города», премьеры которого состоялась в марте 1941 года. В чем же притягательная сила этого образа, на многие годы запавшего в душу актера? Аркадий Бурмин был истинным открытием для Плятта, испытавшего несказанный подъем, счастье, удовлетворение художника, впервые встретившегося с положительным героем, родным человеком, который, возможно, да нет, безусловно, находился в зрительном зале и видел себя в Плятте. Ему артист в процессе воплощения отдавал свои самые лучшие, самые дорогие чувства, и к этому чудесному слиянию личностей с наслаждением приобщался и зритель.

Вместе с автором пьесы Константином Симоновым Плятт вступал в спор с оживающей традицией, открывая новый, советский характер. Ну что из того, что Бурмин — немного рассеянный, нескладный, иными словами, такой, каким по шаблону полагается быть ученому? На самом деле его рассеянность — обратная сторона необычайной собранности, внутренней целеустремленности. Бурмин нередко шутит над собой, над своими слабостями? А ведь в этом в какой-то мере проявляется его скромность и человеческое достоинство. Бурмин в течение ряда лет не может объясниться в своем чувстве любимой девушке? Так ведь в этом странном поведении таится столь привлекательная его душевная деликатность... И когда военврач Бурмин — Плятт, смертельно раненный, в полевом госпитале решительно отвергнул операционное вмешательство своего коллеги, ибо хорошо знал: исход один, и тихо, нежно прощался со своим другом Сергеем Лукониным, зрительный зал отзывался такой болью, что казалось, время остановилось, застыло... Я помню премьеру этого спектакля, какие-то детали померкли, но сцена смерти Аркадия Бурмина заполонила память...

От Бурмина тянется нить к старому русскому революционеру, бывшему политэмигранту Раевичу (спектакль «Штурм»). Они очень разные, но роднит их духовная стойкость, чувство высокого долга и преданности Советской Отчизне. Плятт — Раевич поражаел контрастом между физической немощью (он болел тифом) и пользающей в нем революционной энергией. В этих и многих других ролях Плятт проявлял и проявляет себя как художник,

тонко чувствующий гармонию, цельность образа, единство внешнего рисунка и психологической характеристики, художник, умеющий безошибочно находить точку пересечения индивидуального и социального в человеческой натуре. Играя в чеховских спектаклях (Войничского в «Лешем» и Тапера в инсценировке одноименного рассказа писателя), Плятт стремился выразить не только безграничное очарование этих людей, но прежде всего их жажду справедливости, острый драматизм несовместимости их таланта, чистоты, благородства с той жизнью, в которую они погружены...

Читатель, конечно, помнит шолоховское слово «чудинка», которым писатель вместе с одним из своих героев «Поднятой целины» определял трепетно-живую характерность человека, ту свежесть, ту непредвиденность поворота, без чего герой произведения нередко выглядит безликим, пресным. Так вот, Плятт обожает «чудинку» и пользуется ею успешно. Она, смешная и лиричная, живет в геологе, типичном холостяке (из давнего бесхитростного фильма «Подкидыш»), в его обаятельной серьезности и какой-то детской непосредственности, в его сильной и нежной привязанности к случайно встретившемуся ребенку, который перевернул душу этого милого человека. «Чудинка» дает о себе знать, к примеру, и в обремененном годами Барклае Купере, наивно-доверчивом, беззащитном, эксцентричном, — вместе с женой они поведдали о своей, такой долгой, такой прекрасной и горестной любви, о том, как их разлучает эгоизм близких (ставших далекими) людей, искверканная жизнь, за которой уже «дальше — тишина» (именно так и называется этот спектакль). В финале Купер вырывается из парадоксального, неуместного благодушия и, прощаясь с женой, поняв, что это катастрофа, конец, дает волю чувству горя и тоски. И это еще один характерный для Плятта стремительный взлет от повседневности, быта — к трагическому.

При всей широте и многогранности творчества Плятта все же (и, конечно, условно) можно выделить тему нравственной силы и достоинства человека, его глубокого осознания своего места в обществе, своей гражданской позиции. Разве не об этом вся многотрудная, славная жизнь Алексея Панаева, с его мудростью, удивительной выдержкой, суровой и истинно благотворной добротой (спектакль «Черный гардемарин»)? Разве не в этом лейтмотив образа Дмитрия Николаевича с его такой запоздалой и такой молодой любовью, с его душевной чуткостью, и верностью (спектакль «Тема с вариациями»)? Именно за эти и некоторые другие работы последних лет на сцене театра имени Моссовета Ростислав Плятт недавно удостоен Государственной премии СССР.

С. ЗАМАНСКИЙ